

и братом Каты; Андроник и Георгий были, таким образом, двоюродными братьями. М. П. Мургулия обратила также внимание на то обстоятельство, что в тексте «Восхваления» имеются данные, позволяющие предположить, что Андронику Комнину были пожалованы титул и должность эриставт — эристава, на которые имел право только грузин родом. В пользу предположения о близком родстве Андроника Комнина с грузинским царским домом докладчица привела также свидетельство Никиты Хониата о приверженности Андроника к грузинским регалиям, а также известия патриарха Досифея и Павла Алеппского (XVII в.), касающиеся Московской церкви и ее ктитора (в одном случае — Андроника, в другом — Алексея).

Доклад Н. Угрелидзе познакомил слушателей с итогами изучения остатков стеклоделательной мастерской в Орбети (Восточная Грузия), функционировавшей в конце VIII—начале IX в. и изготовлявшей различные кубики, цветные оконные стекла — витражи, кольца, браслеты, разнообразные стеклянные сосуды, чаши (как бытовые, так и ритуальные). Отметив большое мастерство ремесленников, применявших все методы художественной обработки стекла, а также превосходное знание ими технологии стекла и окраски его, докладчица высказала предположение, что, хотя к началу раннесредневековой эпохи стеклоделие в Грузии имело уже немалые традиции, оно обогащалось опытом византийских стеклоделов благодаря культурно-торговым и религиозным связям.

Н. А. Махарадзе дала тонкий филологический анализ фонологических и фонетических особенностей транскрипционного материала греческо-грузинской транскрибированной рукописи из Бейрута (XIV в.). Выявив разные хронологические пласты и разные локальные наслоения, она пришла к выводу, что здесь имела место двуязычная интерференция в ареале сосуществования коптского и греческого языков.

Византино-армянские культурные связи нашли отражение в докладах К. Н. Юзбашяна (Ленинград) и П. М. Мурадяна (Ереван).

К. Н. Юзбашян посвятил свой доклад выявлению роли греческого языка в древней и раннесредневековой Армении в сопоставлении с другими «чужими» языками — арамейским, персидским, сирийским, латинским. Отметив, что с проникновением христианства греческий язык (как и сирийский) отождествлялся с христианским знанием, К. Н. Юзбашян констатировал, что в переводной литературе Армении того времени четко обозначилось «грекофильское» течение — практика перевода путем рабского копирования греческого синтаксиса и широкого использования в словообразовании греческих моделей; в интеллектуальной сфере греческий был наиболее престижным языком.

П. М. Мурадян выступил с докладом об армянской церкви св. Георгия в Константинополе как о хранилище памятников византийской скульптуры; эти памятники, как полагает докладчик, были помещены в агисме церкви армянами-монофиситами вскоре после захвата турками Константинополя.

В. А. Арутюнова-Фиданян (Москва) в докладе «Из истории социально-административной практики в Византии» коснулась вопросов византийского административного управления в Киликии в X—XII вв., показав на киликийском материале, в каких формах проявлялась в этот период социально-административная и политическая мысль Византии. Констатировав, что в состав Киликии входили как военно-административные округа империи, так и зависимые и полузависимые от империи армянские политические образования, докладчица стремилась показать, что армянские владетели, переселившиеся в Киликию со своими этериями и частью населения, становясь византийскими подданными, а иногда заместителями византийских округов, видоизменяли административную систему империи в духе развитых феодальных отношений, характеризовавших в этот период Армению.

Византино-кавказские сюжеты рассматривались И. В. Каминской и В. Н. Каминским (Краснодар).